

Вот по этому-то поводу и приехал ко мне однажды генерал Ренненкамф, тот самый знаменитый курляндский вождь исторического рейда во время японской кампании. Огненный взгляд, звенящие шпоры, быстрая лаконическая речь, вспыльчивость и рыцарь перед дамами.

— Ваше превосходительство, — сказал он мне, — я объездил всю Ковенскую губернию, показывали мне этих Мафусаилов — и, черт! — ни один никуда не годится! Или врут, как лошади, или ничего не помнят, черти! Но как же, черт возьми, мне без них быть. Ведь для них же — черт! — уже медали чеканятся на монетном дворе! Сделайте милость, ваше превосходительство, выручайте! На вас одного надежда. Ведь в вашей Сморгони Наполеон пробыл несколько дней. Может быть, на ваше счастье, найдутся здесь два-три таких глубоких — черт! — старца, которые еще, черт бы их побрал, сохранили хоть маленький остаток памяти (стр. 718—719).

... исправник Мандратьев — человек ловкий, уже десятый год бывший исправником и славившийся даже за пределами губернии умением угождать начальству, так что соседние губернаторы не раз пытались его переманивать. Потому Дмитрий Николаевич очень дорожил Мандратьевым: делал ему разные поблажки и смотрел сквозь пальцы на некоторые его проделки; звали его в губернии лейб-исправником (стр. 25).

... вызвал я к себе исправника, по фамилии Каракаци. Он вовсе не был греком, как можно было бы судить по его фамилии. Не без гордости любил он рассказывать, что по отцу происходит от албанских князей, а по матери сродни монахским Гримальди... Житейский лист его был очень ординарен. Гвардейская кавалерия. Долги. Армейская кавалерия. Карты. Таможенная стража. Скандал. Жандармский корпус. Провалился на экзамене. Последний этап — уездный исправник.

И обладал он стремительностью в шестьсот лошадиных сил. И такой же изобретательностью (стр. 720).

Он немедленно вызвал Мандратьева и указал на неприличное отношение в некоторых местностях к историческим памятникам, выяснившееся при проезде генерала, направляющегося ныне в уезд Мандратьева. Тот сразу понял, в чем дело.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, — сказал он, — у нас дело поставлено иначе. Он сказал это так самоуверенно, что Дмитрий Николаевич после его ухода было совершенно успокоился, но затем начал опять беспокоиться — не пересолил бы, и ждал теперь доклада (стр. 26).

Оказывается, все шло хорошо: и дождик прибил пыль; и мост выдержал автомобиль, чего никто даже не ожидал; и генерал был всем чрезвычайно доволен, но все же вышла маленькая неприятность с старообрядцем Свиначуком, о которой он долгом службы считает невозможным скрыть от его превосходительства.

Передал я ему мой разговор с генералом. Он весь как боевой конь.

— Ваше превосходительство, для вас хоть из-под земли вырью. Не извольте беспокоиться. Самых замечательных стариканов доставлю. Они у меня не только Наполеона, а самого Петра Великого вспомнят!

— Нет уж, — говорю ему, — вы уж лучше без лишнего усердия. Довольно нам будет и Наполеона (стр. 720).

Он был уже не седой, а какой-то зеленый. Голова у него слегка тряслась, а голос был тонкий. Впоследствии мы узнали, что он — из староверов. Начался экзамен.

— Ну-ка, дедушка, рассказывай, — громко и бодро приказал Ренненкамф.

— Да что же рассказывать-то, — точно по складам зашептал старик. —